

DOI 10.35775/PSI.2025.120.8.030

УДК 32.327

Н.Н. ЕМЕЛЬЯНОВА

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
кафедры сравнительной политологии факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва
E-mail: nemelyanova86@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ВЕКТОРЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА РОССИИ И ИНДИИ)⁷. ЧАСТЬ I

В центре внимания статьи находятся основные аспекты активности России и Индии в области цифровизации международных отношений. Через ключевые направления современной цифровой дипломатии (содержательное, инструментально-технологическое и нормативно-правовое) раскрываются адаптивность и конкурентоспособность обеих стран в использовании и регулировании цифровых технологий в решении внешнеполитических задач, реализации потенциала «мягкой силы» и межгосударственных взаимодействий.

Россия и Индия являются примерами стран, которые динамично адаптируют свой внешнеполитический инструментарий под требования цифровой эпохи, поэтому систематизация их опыта представляет отдельный интерес.

В рамках обзора российской модели цифровой дипломатии рассмотрены как основные достижения России в этой области (развитая цифровая сеть в рамках дипломатии социальных сетей Министерства иностранных дел России, работа СМИ с социальными сетями, противодействие дезинформации и искажению фактов, цифровое сопряжение с дружественными странами, проактивная цифровая повестка России в области киберпреступности и регулирования военных аспектов применения технологий искусственного интеллекта), так и вызовов, связанных в первую очередь с различными рестрикциями и санкционным давлением.

Основные направления цифровой дипломатия Индии представлены через использование онлайн- и цифровых технологий в рамках индийской диаспоральной политики. Цифровизация консульской деятельности раскрыта через примеры таких инициатив, как MADAD, e-Migrate system, Students Registration Portal. Помимо обзора активности Министерства иностранных дел Индии в социальных сетях показан феномен лидирующих позиций аккаунтов Нарендры Моди в социальных сетях и связанный с этим и диаспоральной политикой Индии эффектом Модимании (Modimania). Также в статье упомянуто продвижение цифровых технологий Индии в рамках проектов India Stack и UPI (Unified Payments Interface).

Отдельно подчеркнуто, что кибердипломатия России и Индии ориентирована в первую очередь на борьбу с «милитаризацией» цифрового пространства.

⁷ Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: Россия, Индия, цифровая дипломатия, внешняя политика, мягкая сила.

Современные государства в условиях цифровизации международных отношений. Глобальное лидерство стран в XXI веке связывается с фактором «оседлания» волны цифровизации (диджитализации). Цифровые (диджитал) технологии логично рассматриваются государствами как стратегические инструменты реализации внешней политики и решения дипломатических задач.

Изначально цифровая дипломатия соотносилась с дипломатией социальных сетей. Число зарегистрированных пользователей социальных сетей в мире достигло 5,24 млрд, что составляет 63,9% населения Земли. При этом на пользователей социальных сетей приходится 94,2% всех пользователей Интернета [12]. Однако несмотря на то, что активность в социальных сетях, становится одной из ключевых факторов глобальной коммуникации, современная цифровая дипломатия не ограничивается коммуникационными практиками государств в социальных сетях. что связано с развитием различных направлений цифровизации (диджитализации) социальных коммуникаций, в т.ч. в масштабах международных отношений. Помимо дипломатии социальных сетей с цифровой дипломатией также соотносятся такие понятия, как «интернет-дипломатия», «digital-дипломатия», «е-дипломатия», «электронная дипломатия», «web 2.0 дипломатия», «дипломатия данных», «кибердипломатия» и др. Указанные понятия демонстрирует расширенный контекст цифровой дипломатии.

Под цифровой дипломатией, таким образом, может пониматься одна из составляющих реализации стратегии «мягкой силы» государства, опосредованная использованием и нормативным регулированием цифровых технологий, информационно-коммуникационных сетей, Интернета и социальных сетей во внешнеполитических активностях государства в условиях гибридизации международных отношений.

Анализ активности государств в области цифровой дипломатии как одной из инновационных составляющих «мягкой силы» можно систематизировать по следующим направлениям:

- **содержательное направление** ориентировано на расширение горизонтальных связей с целевыми аудиториями путем прямого разъяснения и донесения определенной повестки, той или иной точки зрения;

- **инструментально-технологическое направление** основывается на новых технико-прикладных возможностях цифровизации в выстраивании внешних коммуникаций государства; сюда можно отнести не только цифровизацию консульской деятельности, но и крайне перспективное стремительно развивающееся направление дипломатии данных – работу с большими данными, интеллектуальными системами, использование чат-ботов; продвижение собственных эффективных решений в области информационно-коммуникационных технологий и т.д.;

– **нормативно-правовое направление** связано с межгосударственным взаимодействием и активностью государств в инициативах по регулированию цифрового пространства, кибербезопасности.

Россия и Индия являются примерами стран, которые динамично адаптируют свой внешнеполитический инструментарий под требования цифровой эпохи, поэтому систематизация их опыта использования и регулирования цифровых технологий во внешней политике и дипломатической деятельности представляет отдельный интерес.

Российская модель цифровой дипломатии: достижения и новые вызовы. Постепенное внедрение цифровых технологий в российской дипломатии началось с середины 2000-х гг., а заметное усиление влияния цифровой дипломатии России в новых условиях web-технологий 2.0 проявилось с 2010-х гг. Задача по работе с «мягкой силой» и новыми технологиями перед российским дипломатическим корпусом была публично обозначена 8 июля 2012 г. во время выступления Президента России Владимира Путина на совещании послов и постоянных представителей России [8]. Необходимость применения новых альтернативных классической дипломатии методов и технологий была зафиксирована в пп. 20 и 41 Концепции внешней политики 2013 г. [7].

Министерство иностранных дел России остается наиболее широко представленным в цифровом пространстве внешнеполитическим ведомством. Департамент информации и печати МИД России, специализирующийся на информационном обеспечении министерства и российских загранучреждений является основным структурным подразделением Министерства, в котором ведется деятельность по развитию дипломатии социальных сетей. За связи с общественностью в социальных сетях отвечает отдел цифровой дипломатии, созданный в 2014 г. в Департаменте информации и печати МИД.

Выход Министерства иностранных дел России в цифровое пространство социальных сетей курировала и координировала Мария Захарова (с 10 августа 2015 г. – директор департамента информации и печати, официальный представитель МИД РФ).

В 2011 г. были открыты официальные учетные записи МИД России в Twitter (в настоящее время социальная сеть X, заблокированная в России): аккаунт MID_RF – на русском языке и аккаунт MFA Russia – на английском языке. Через год, в 2012 г., появился midrftube – официальный канал Министерства на YouTube. Вскоре он прекратил работу (причина – жалобы третьих сторон из-за нарушения авторских прав), однако на видеохостинге оперативно заработал другой аккаунт Министерства – Ministry of Foreign Affairs of Russia. В 2013 г. у МИД РФ появился официальный аккаунт в Facebook (продукт Meta, деятельность признана экстремистской, запрещена на территории России по решению Тверского суда Москвы от 21.03.2022 г. [11] – MIDRussia. В 2016 г. зарегистрирован аккаунт в социальной сети Instagram (продукт Meta, деятельность признана экстремистской, запрещена на территории России по решению Тверского суда Москвы от 21.03.2022 г.) При этом первый пост на платформе был посвящен вовсе не проблемам международной

повестки, а птицам-сапсанам, которые к тому времени несколько лет обитали на крыше «сталинской высотки» – здания Министерства [10]. С этого же года также развиваются два официальных Telegram-канала: на русском (t.me/MID_Russia) и английском (t.me/MFARussia) языках. К 2024 г. сеть каналов в Telegram уже включала каналы на испанском (t.me/MAERusia), французском (t.me/MAErusse) и арабском (t.me/Russia_ar) языках.

МИД России в целях усиления цифрового суверенитета стремится развивать аккаунты на отечественных платформах: «ВКонтакте» (vk.com/mid, с 2015 г.): «Одноклассники» (с 2021 г.), канал МИД России на платформе «Дзен» (dzen.ru/mid_russi, 2023), сочетающей в себе элементы социальной сети, медиаплатформы и блога.

В состав министерской цифровой сети входит более 1,2 тыс. аккаунтов [2]. В 2024 г. МИД России был официально представлен на 12 цифровых платформах на русском языке и 4 иностранных языках (английском, испанском, французском и арабском) [3]. В настоящее время все российские загранучреждения ведут аккаунты в социальных сетях. Работу в социальных сетях через персональные аккаунты ведут 22 российских дипломата [13].

Отдельного внимания заслуживает деятельность Министерства по противодействию дезинформации и информационным вбросам. Особой популярностью пользуются материалы в Telegram-каналах министерства на русском (t.me/MID_Russia) и английском (t.me/MFARussia) языках с соответствующими хештегами #АнтиФейк и #Antifake. МИД России вовлечен в работу молодой Международной ассоциации по фактчекингу (Global Fact-checking Network), учрежденной ТАСС и АНО «Диалог» и начавшей свою работу в ноябре 2024 г.

Помимо усилий МИД РФ в 2010-е гг., была достаточно успешно развернута модель с опорой на аккаунты в социальных сетях ведущих отечественных масс-медиа. Использовались подходы по сегментированию аудитории с созданием различных нарративов для отдельных сообществ, учитывая их специфику, интересы, запросы и восприятие. Так, стратегия развития телеканала Russia Today (RT) изначально была нацелена на использование социальных сетей в качестве ключевого инструмента развития. К середине 2010-х гг. г. наблюдался уверенный рост влияния российских масс-медиа на аудиторию различных стран мира, в том числе благодаря работе с социальными сетями. Так, в 2020 г. RT первым из новостных телеканалов преодолел отметку в 10 млрд просмотров на платформе YouTube (по общему числу просмотров на всех аккаунтах) [1]. В то же время после 2014 г. на фоне явного медийного расширения возможностей России стали проявляться систематические ограничения активности России в этой сфере. Появились не только точечные ограничения, но и негативные информационные кампании, получившие более широкое распространение (дискредитация российских элит и достижений развития России, «дело Скрипалей» [9] и др.).

С началом специальной военной операции (СВО) в 2022 г. модель с опорой на продвижение информации и значимых нарративов через поддержку

аккаунтов в социальных сетях ведущих отечественных масс-медиа столкнулась с трудностями и стала претерпевать изменения в силу возникших системных ограничений. Начались массовые ограничения на распространение соответствующего контента в пространстве социальных сетей. Все нарушения фиксируются и обновляются в специальном разделе официального сайта МИД России [14]. С 17 сентября 2024 г. политика американской Meta (деятельность компании Meta признана экстремистской, запрещена на территории России по решению Тверского суда Москвы от 21.03.2022 г.) в отношении флагманских российских СМИ, работающих с зарубежной аудиторией, стала носить официальный санкционный характер: в рамках введенных 5 сентября 2024 г. санкций со стороны США на площадках компании были заблокированы аккаунты Russia Today и медиа-группы «Россия сегодня» (ее дочерних медиакомпаний («РИА Новости», RT, Ruptly и Sputnik). Санкции продемонстрировали, что глобальное цифровое пространство и социальные сети как его часть до сих пор в большей степени находятся под контролем США. «Американские действия в развитии глобальной сети Интернет рассматриваются как стратегические преимущества: поскольку сохранить контроль над сетевым кодом и протоколом, использовать английский язык и программное обеспечение позволяет им быть уверенными в действиях партнеров и противников» [16. С. 96].

И все же в Концепции гуманитарной политики России за рубежом, утвержденной 5 сентября 2022 г., отмечается, что именно СМИ, главным образом, «российские телеканалы и «новые медиа» (социальные сети, мессенджеры и блоги), являются наиболее эффективным инструментом «мягкой силы», способствующим популяризации российской культуры и продвижению русского языка за рубежом, а также обеспечивающим информационное сопровождение различных российских гуманитарных мероприятий» [17]. То есть модель тесной связки традиционных и нетрадиционных медиа по-прежнему остается базовой для развития инициатив России в области «мягкой силы».

В силу имеющихся ограничений информационно-медийной активности России основу актуальной работы с зарубежной аудиторией в социальных сетях составляет развитие социальных сетей дипломатических представительств, «Русских домов» за рубежом, а также НКО из числа партнерской сети Россотрудничества. Социальные сети дипломатических представительств и «Русских домов» за рубежом стремятся работать как медиацентры, не только передающие информацию, но и самостоятельно генерирующие инфоповоды, хотя это не всегда получается в силу ограниченности человеческих ресурсов.

В межгосударственных взаимодействиях Россия стремится с проводить политику цифрового сопряжения с дружественными странами, синхронизируя цифровые трансформации. Так, Россия и Китай в настоящее время обсуждают возможность выстраивания совместной цифровой экосистемы для обмена технологическими решениями, развития трансграничных платформ и т.п. В рамках российско-индийского сотрудничества, предприняты шаги к разработке проекта «Белой книги» оценки соответствия технологий искусственного интеллекта.

Экспериментальными направлениями выбраны здравоохранение и сельское хозяйство [15].

На мировой арене Россия относится к странам с проактивной цифровой повесткой. Ответственное поведение государств и учет различных интересов акторов международных отношений в области информационной безопасности и применения искусственного интеллекта (вплоть до военной сферы) являются центральными вопросами различных консультаций. Среди значимых инициатив России для выстраивания продуктивных экспертных и общественных дискуссий по киберпреступности, можно выделить разработку Конвенции против киберпреступности (одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 79/243 от 24 декабря 2024 г.) [6]. В Конвенции есть такие важные положения как установление уголовной ответственности за незаконные доступ, перехват и воздействие на электронные данные; предоставление правоохранительным органам процессуальных полномочий по сбору и хранению электронных доказательств; развитие государственных программ защиты и реабилитации жертв, а также профилактики соответствующих правонарушений. В целях содействия расследованиям киберпреступлений Конвенцией предусмотрено создание специальной сети оперативной помощи с доступом для всех государств-участников.

Однако принятие другого документа – Глобального цифрового договора как приложения к Пакту будущего (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № A/79/L.2 от 22.09.2024 г.) – оказалось весьма дискуссионным. Он посвящен контролю Интернета и социальных сетей, а также усилению международного регулирования искусственного интеллекта. Россия не присоединилась к итоговому документу, обозначив некорректность подготовки Резолюции в условиях игнорирования экспертных мнений относительно того, что текст в имеющихся формулировках предоставляет ООН возможности для вмешательства в вопросы внутренней юрисдикции любого государства [4]. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, в отличие от решений Совета безопасности ООН, не носят обязательный характер. Но скепсис России направлен против Резолюции как своеобразного прецедента, способного перерасти от рекомендательной инициативы к попыткам более жесткого нормативного регулирования.

Нормативное регулирование военных аспектов применения технологий искусственного интеллекта по понятным причинам являются особым направлением различных дискуссий глобального уровня, в которых Россия также принимает непосредственное участие. Основными площадками для консультаций выступают Комиссия ООН по разоружению и Группа правительственных экспертов по смертоносным автономным системам вооружений. Россия и Индия, наряду с США, Китаем и Израилем, относятся к странам, обладающим серьезными наработками и заделом в этой сфере и не поддерживающим запрет на применение такого оружия. Тем не менее, консультации по разработке регламента превентивного моратория на использование автономных систем ведутся на площадках ООН с 2018 г. [5. С. 27]. В настоящее время мандат ООН на выработку международного договора в этой сфере отсутствует.

Продолжение исследования читайте в следующем номере

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. 10 млрд просмотров: RT – № 1 среди новостных телеканалов на YouTube. 29.01.2020 // Официальный сайт RT на русском // https://russian.rt.com/press_releases/article/712801-rt-youtube-prosmotry.
2. Аккаунты МИД России в социальных сетях (внутренние структуры ведомства, посольства и консульства, постпредства, территориальные представительства, персональные аккаунты российских дипломатов) // Официальный сайт МИД России // https://www.mid.ru/ru/press_service/social_accounts/.
3. Аналитический доклад «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии» / под ред. Зиновьевой Е.С. Москва: Издательство «МГИМО-Университет», 2024.
4. Интервью заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Вершинина газете «Комсомольская правда», 23 сентября 2024 года // Официальный сайт МИД России // Официальный сайт МИД России // https://www.mid.ru/ru/press_service/rossijskie-diplomaty/?lang-center=ru.
5. Искусственный интеллект в исследованиях сознания и общественной жизни (к 70-летию статьи А. Тьюринга Вычислительные машины и разум) (материалы круглого стола) / В.А. Лекторский, Е.А. Алексеева, Н.Н. Емельянова и др. // Философия науки и техники. 2022. Т. 27. № 1.
6. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям, принята резолюцией 79/243 от 24 декабря 2024 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций (ООН) // <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243>.
7. Концепция внешней политики Российской Федерации от 20.02.2013 г. // Информационно-правовой портал Гарант.ру // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>.
8. **Латухина К.** Владимир Путин призвал российских послов осваивать новые технологии. 09.07.2012 // Российская газета // <https://rg.ru/2012/07/10/putin.html>.
9. **Манойло А.В.** «Дело Скрипалей» как операция информационной войны // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 1 // <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/8>.
10. МИД РФ открыл официальный аккаунт в Instagram. 03.06.2016 // Сайт общероссийского федерального телеканала «Первый канал» // https://www.1tv.ru/news/2016-06-03/303435-mid_rf_otkryl_ofitsialnyy_akkaunt_v_instagram.

11. Об открытии официального аккаунта МИД России в соцсети Facebook. 21.02.2013 // Официальный сайт МИД России // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1669199/.
12. Отчет Global Digital 2025, данные за февраль 2025 г. // <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report>.
13. Персональные аккаунты российских дипломатов // Официальный сайт МИД России // https://www.mid.ru/ru/press_service/rossijskie-diplomaty/?lang-center=ru.
14. Репрессии в отношении российских СМИ и журналистов за рубежом // Официальный сайт МИД России // https://www.mid.ru/ru/press_service/journalist_help/repressions/.
15. Россия и Индия развивают сотрудничество в сфере стандартизации ИИ. 10.01.2024 // Интернет-газета ComNews.Ru // Новости цифровой трансформации // <https://www.comnews.ru/content/230954/2024-01-10/2024-w02/1011/rossiya-i-indiya-razvivayut-sotrudnichestvo-sfere-standartizacii-ii>.
16. **Ситказиева С.С.** Информационное пространство как «поле сражений» современных политических элит России и США // Вопросы элитологии. 2023. № 1 // <file:///C:/Users/eliza/Downloads/informatsionnoe-prostranstvo-kak-pole-srazheniy-sovremennyh-politicheskikh-elit-rossii-i-ssha.pdf>.
17. Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 (ред. от 17.10.2022) «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Официальный сайт Президента России Kremlin.ru // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280>. Пункт 70.

N.N. EMELIANOVA

Candidate of Sciences in Political Science

Senior Research Fellow, Lomonosov Moscow State University

Faculty of Political Science, Comparative Politics,

Moscow, Russia

DIGITAL VECTORS OF «SOFT POWER» (THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND INDIA AS AN EXAMPLE)⁸. PART I

The article focuses on the main aspects of Russia and India's activity in the field of digitalization of international relations. The adaptability and competitiveness of both countries in the use and regulation of digital technologies in solving foreign policy tasks, realizing the potential of «soft power» and interstate interactions are revealed through the key areas of modern digital diplomacy (content area, instrumental, technological, and regulatory).

⁸ The study was carried out within the framework of the state assignment of the Lomonosov Moscow State University.

Russia and India are examples of countries that are dynamically adapting their foreign policy tools to the demands of the digital age, so the systematization of their experience is of particular interest.

As part of the review of the Russian model of digital diplomacy, Russia's main achievements in this area are considered (the developed digital network within the framework of the social media diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, media work with social networks, countering disinformation and distortion of facts, digital interface with friendly countries, Russia's proactive digital agenda in the field of cybercrime and regulation of military aspects of technology application artificial intelligence), as well as challenges related primarily to various restrictions and sanctions pressure.

The main directions of India's digital diplomacy are presented through the use of online and digital technologies within the framework of Indian diaspora policy. The digitalization of consular activities is revealed through examples of initiatives such as MADAD, the e-Migrant system, and the Students Registration Portal. In addition to reviewing the activity of the Ministry of External Affairs on social media, the phenomenon of the leading positions of Narendra Modi's accounts on social media and the related effect of Modimania on India's diasporic policy is shown. The article also mentions the promotion of digital technologies in India within the framework of the India Stack and UPI (Unified Payments Interface) projects.

It's emphasized separately that the cyber diplomacy of Russia and India is focused primarily on combating the «militarization» of the digital space.

Key words: Russia, India, digital diplomacy, foreign policy, soft power.